

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЗИНОВИЙ
ДАВЫДОВ

ВЕТЕР

ММХI

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Зиновий Давыдов
ВЕТЕР

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЗИНОВИЙ ДАВЫДОВ

ВЕТЕР

Стихи

Водолей
Москва – 2011

ББК 84Р7-5
Д13

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста и послесловие
О. Лекманова

ISBN 978-5-91763-068-7

© О. Лекманов, составление, послесловие, 2011

© Издательство «Водолей», 2011

ВЕТЕР

СТИХИ

1919

I

ВЕТЕР УТРА

...Что мне шумит, что мне звенит
издалека рано, пред зарею.

Слово о полку Игореве

* * *

Когда летящий утром ветер
Волнует сонные поля,
Что может сниться на рассвете
В протяжном скрипе журавля!

Какою песнею старинной
Он сердце убаюкать мог!
И к вечеру за полдень длинный
Каким предвестием налег!

Он голову к колодцу клонит
И словно молится за всех,
Но снова вверх его погонят –
И снова плач и тихий смех.

1917

* * *

Зазубрился меч и затихнул мой рог.
Я стою на распутии осенних дорог.
И туда и сюда протянулись пути, –
Я не знаю, куда мне итти.

Повернуть ли назад, иль итти мне вперед?..
О весенних путях кто-то плачет-поет
И о том, что распятым дороги легли
На груди у родимой земли.

1911

* * *

В поле веет ветер добрый.
Молвит он – «уйди» – туману.
Кто ж сплетать веночек скорбный
К моему придет кургану?

И укроют мать-землю
Всю снежинки понемногу.
Долгожданный мир приемлю?
Кто ж молиться станет Богу?

1911

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Плачутся все телеграфные струны.
Тихо тоскует озябшая птица.
От непогоды, от ветра укрыться.
Глину взрывая, промчались табуны.

Ветер метнулся и с крыши сарая
Много развеял истлевшего гонта...
Рваться б и мчаться на край горизонта,
В свистах и взлетах тоску потопляя.

Грудью приникнуть к родимым курганам
Слушать их были и плакать от боли...
Вырваться в чистое, вольное поле,
Буйно взметнуть и нестись ураганом...

Тянутся в даль телеграфные вехи...
Кинуться, врезаться грудью с разгона!..
Пасть от безумно-кровавой потехи
И умереть без рыданий, без стога.

1911

* * *

Ветер, мой брат одинокий, усталый,
Головы тихо склонивши на скалы,
Матери нашей поведаем вместе
Скорбь о далекой ушедшей невесте.

Тонки подруженек легкие станы,
Неизлечимы, глубоки их раны, –
Черным кладбищем в осенние ночи
Бродим, мы ищем, мы смотрим ей в очи.

Землю-праматерь попросим мы оба,
Чтобы ее убаюкала в гробе,
Были б легки ей тяжелые скалы,
Ветер, мой брат одинокий, усталый.

1911

* * *

Ветер, летун разудалый,
Рвется он в битву.

Медленно облак усталый
Плывет на молитву.

И плавные сосен поклоны
У ранней небесной обедни...

Слышишь сверху перезвоны,
Друг мой последний?..

1915

* * *

К вечеру дождь перестал,
И в лужах забились огни.
Кораблики мальчик пускал
Туда, в улетевшие дни.

Качнулся затерянный лик,
Уплыл в неоглядную ночь...
А я опустил воротник
И тихо побрел себе прочь.

1913

* * *

В снежных полях –
Зеленые грустные ели...
Сколько уж дней пролетело
В думах и снах!..

Слезы на тонких ветвях –
Сон о далеком ушедшем былом...
Ели забылись опаловым сном
В снежных полях...

1912

* * *

Стань у входа тихим стражем.
Погорюй о дальнем брате.
Королевне мы расскажем
О последнем о возврате.

В черный берег бьется ночь.
Тяжело земное бремя.
Ночи, дни – седое время
Мчится прочь.

1916

II

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР

* * *

То черный ветер пустынь палящих
Летит бесшумный, летит незримый.
Идем пустыней, проходим чащей.
Влекумы грезой мы, пилигримы.

Нас иссушает ветер знойный.
Дыханье смерти – полет сирокко.
О, взор наш зорок, шаги спокойны,
И держим путь свой в страну востока.

Но день настанет, когда влекомы
Одною думой, мечтой упорной,
На камень знойный мертвы падем мы,
На камень знойный в пустыне черной.

1915

ADAGIO

С.И.С.

Глядят в мою душу родные глаза.
Баюкают струнные звуки меня.
Но тихо дрожит на ресницах слеза,
Как песня последнего дня.

За окнами медленно падает снег.
С утра до полуночи слышишь шаги.
Но, ах, нескончаемый времени бег!..
Не знаешь, не видишь ни зги.

И вот, когда снегом меня занесет,
Когда захлебнуся я в мутной воде,
То кто же тогда надо мной проплывет,
Качнется на лунной ладье?..

Пройдет поколений ночной караван
И ряд нескончаемый лет,
Все ветер развеет, закроет туман
И длительный вздох наш – и след.

1913

* * *

Они за мною погнались.
Из последних бежал я сил.
А с неба мне огненный палец
Все время, все время грозил.

Я несся по улицам сонным,
По черной ночной мостовой...
За мной изнемогшим, бездомным
Их камни летели и вой.

И все они быстро обвили
Глухое, глухое кольцо.
И долго потом меня били
В покорную грудь и в лицо.

Когда же с воем и гиком
Они разбежались прочь,
Кто-то тихонько хихикал
И выл в неоглядную ночь.

1912

* * *

Угрюмы, тяжело спят граниты.
Их вековые душат сны
О том, что крылья перебиты
И лютым солнцем сожжены.

В пустыне зла изнемогая
Лежит родимая сестра –
У врат потерянного рая,
У обретенного костра.

Никто над нею не склонится.
И зоркий путник обойдет,
И только Горе, злая птица,
Над нею круги проведет.

1914

* * *

3. Полетике

Прилетел осенний ветер,
Стукнул ставенем в окно...
В этот тусклый, скучный вечер
 Как темно!..

Кто ж со мною станет рядом?
Кто мне косы заплетет?
Кто в глаза мне робким взглядом
 Заглянет?..

Ржавых листьев вечный ропот
Поутру и ввечеру.
Под старухин этот шепот
 Я умру.

1913

* * *

Он уходит утром, молчаливый демон.
Мой извечный спутник тает в шуме дня.
И растает черный, но уходит с тем он,
Чтобы ночью снова посетить меня.

Вот придет и сядет... О, хранитель лютый!..
Холодея стану ожидать конца.
Он же не забудет – ни одной минуты,
Ни одной личины моего лица.

Но не скажет слова, лишь глядит сурово,
Ледяной рукою осенив меня,
И уходит утром, черный тает снова
В океане шумов городского дня.

1916

* * *

В закате огненного диска
Пылали мирные хлеба,
И, до земли склоняясь низко,
Сгорала сонная верба..

И в этом пламенном пожара
Внезапен, как небесный гром,
Промчался Он на рыжей паре,
Пропал за гаснущим кустом.

И там, где пал в неравном споре
Смертельно раненный закат,
Стоит теперь Он, Вестник Горя,
Небесным пламенем объят.

Глядит глазами василиска,
И вверх подъятая труба
Трубит о том, что скоро, близко,
Что надвигается судьба.

1917

* * *

Нежданны, как ветер, летающий праздно,
Пленительным пеньем звеня, –
Безумные змеи земного соблазна
Опять обвивают меня.

Идите ж и жгите, сжимая, терзая –
Навеки мой день потускнел!
Далекого рая, бесценного рая
Опять недоступен предел;

И ты – моя жизнь – под золой пламенея,
Узнала, что вечно тебе
Земного соблазна безумного змея
Тащить за спиной на горбе.

1916

* * *

Спешить нам некуда... Забудем
Нас привлекавшие огни
И сонным сердцем знать не будем,
Куда, зачем уходят дни.

Чтоб в душащем тумане зимнем,
Когда не превозмочь тоски.
Душа не взывала «помоги мне»,
Как пес, не взывала «помоги».

Спешить нам некуда, дружище.
Пусть сердце спит, пускай уснет!
И наше бедное жилище
Река забвения зальет.

1917

* * *

Он в облаках хранит молчанье,
В недостижимой вышине.
И в час ущерба, увяданья
Скажи, кому молиться мне.

Но пусть в безумном нашем кличе –
Труба победы черных дней!..
Мы знаем – ведает Возничий,
Куда направить бег коней.

Единый, я всегда расколот,
Как придорожный пыльный прах.
Но твердо верю – крепок молот
В Его бестрепетных руках.

1916

УЩЕРБ

Я, как усталый виночерпий –
Он спит на облачных покосах,
Он не проснется в ранних росах,
А месяц старый на ущербе.

Ползут, ползут ночных калмыков
Густые скошенные рати.
Ты не услышишь бранных кликов,
Начала дней в твоём закате.

1915

* * *

На улицах грязно... Заплакан и нем
Качнулся фонарь на подвеске...
О, Боже, скажи мне, зачем же, зачем
Почил Ты в сиянье и блеске!..

Остался от боя на ранней заре
Лишь пепел ночной сожаленья.
Ослепшие окна молчат во дворе.
Гробницами встали строенья.

Стою до рассвета промокший, один.
В туманы оделась столица.
И девушка эта у ярких витрин,
С лицом Серафима – блудница.

1916

МОНОТОННО

М. А. М.

Дождь осенний, падай, падай
Мокрой сетью на дома.
Ничего теперь не надо,
Пусть густеет ночи тьма.

Фонари в осенних лужах
Отразят мою печаль,
Ту же муку, радость ту же,
Все, что сердцу больно, жаль.

Ты же спи в своем чертоге,
Спи, прекрасное дитя.
Тени неба, вдаль летя,
Станут молча на пороге.

И гирляндами цветов
Из садов небесных рая,
Сон тяжелый отгоняя,
Разукрасят твой покров.

1910

* * *

Летели, звенели альты.
Сменялись за актами акты...
И вновь расцветали цветы.
И кто-то отсчитывал такты.

Цветами усыпанный путь...
Как жалобно плакали трубы!..
Ведь мне никогда не вернуть
Твои целовавшие губы.

1911

* * *

Льетса дождь, хлещет дождь без конца.
Этот лай отдаленный собак...
Эта ночь!.. подошла... у крыльца...
Ночь раскаянья, ужас и мрак.

С водоливников звонко вода
Упадает на брезжущий путь.
Не вернешь, не спасешь... никогда...
Навсегда схорони, позабудь.

1916

* * *

Н. Лени

Веет ветер, скачет галка,
Стынут лужицы опять...
Истомилась, но не жалко
Слез бесцельных расточать.

Неумолкнувшая скука
И напрасные года,
Знаем, будут нам порукой
В день последнего суда.

1917

ВОЙНА

Они опустили вуаль
И траурный флер...

Была безнадежна печаль
С давних пор.

На зарево уличных огней
Длинные сумерки ползли
С кровавых полей
И с черной и мертвой земли.

Фонари стояли, как похоронные факелы,
Как догорающие свечи в руках детей,
А женщины тихо и беспомощно плакали
Перед длинной цепью дней.

1914

СКВОЗЬ СОН

В. Турцевич

Ты хочешь, милый, сном забыться?
Спокойно спи – и руку дай,
Тогда во сне тебе приснится
Забытый мой, родимый край.

Всегда, всегда с тобою здесь я..
Усни же – тихо засыпай.
Но песен бедного Полесья
Ты никогда не забывай.

Он разойдется, сумрак серый,
Ты только помни, только знай –
Господь наш благостен без меры,
Нам уготован светлый рай.

1917

14-Е ДЕКАБРЯ

Встанут, слезами омоют,
Молча посмотрят они
И не дадут мне покою
В злые, тревожные дни.

Знаю, никто не поможет...
Грезой безумной горя,
Душу, как прежде, положат
В памятный день декабря.

Вот уплывают обратно
Только оставят во мгле
Эти кровавые пятна
На петербургской земле.

Только пройдут вереницей,
Сердце отравит обман...
И, как тогда, над столицей
Стелется черный туман.

1917

ПРОЩАНИЕ

Еще хороним здесь печаль мы,
Вино алеет в хрустале...
Но все мертво, как эти пальмы
И канделябры на столе.

В прибое пыльного вокзала
Звонит один прощанья звон,
И то, что время завязало
Безжалостно разрубит он.

Растерянно целую руки.
Я так беспомощно уныл –
Я знаю, что наплывшей муки
Похоронить не хватит сил.

Кто распрощался у порога,
Тот будет завтра позабыт.
А пред тобою путь-дорога
В свой золотой рожок трубит

1917

* * *

С.И.С.

Подолгу сидишь у камина
И рученьки хочешь согреть,
Чтоб ночью пустынной и длинной
От холоду не умереть.

И боль заглушая утраты,
И день завершая пустой,
Ты скажешь ли чем мы богаты,
Ребенок замученный мой?

Над этим родным пепелищем
Проносится столько годин.
А мы, опаленные – нищи
И ждем, что потухнет камин.

Но в полдень печали и в самый
Полуночный час роковой
Далекая мертвая мама
Пылает с востока звездой.

1917

* * *

Молились и верили – только любовью,
Сыновней любовью спасется земля.
Никто не подумал, что алою кровью,
Напьются опять золотые поля.

Теперь не поможет ни Божья обитель,
Ни жалость, ни слезы – спасения нет,
На землю с Свободой является Мститель
И сеет кровавый и сумрачный свет.

1919

ДЕНЬ ВОЗМЕЗДИЯ

Триптих

С.И. Соколовской

I

КАНУН

Вот и день отошел в пустоту
И уплыл в невозвратную Лету.
О, какую еще красоту
Он принес для могилы поэту!

И у нового горестный лик
И бледней погребальных полотен.
И к кресту моему он приник,
И про гибель мою все поет он.

Но не сетуй над жизнью моей,
Над безумными днями поэта:
Из-за дальних туманных морей
Се грядет в багряницу одета.

И не дрогнет святая рука
У пришедшей из тьмы и тумана.
От руки ее гибель сладка,
От руки ее гибель желанна.

II ДЕНЬ

Багровеет не как в те дни,
Тяжелее тень.
День возмездья, день последний,
Наступает день

Сердце, глянешь в те пространства,
Где мятеж утих
В блеске бранного убранства
Воев неземных.

Не сумевшее в полете
Клад один сберечь,
Ты увидишь в близком лете
Занесенный меч.

III FINALE

Как над землю проплыли
В струях небесные вои.
Тело его отвозили
К ним в золотые покои.

Здесь на дороге безлюдной
Он истомился от зноя.

Спи же теперь непробудно,
Бедное сердце ночное!

Вышли из облачной двери,
Мертвого девы встречая.
Спит невозможное сердце,
Спит необретшее рая.

1916 Декабрь

III

ЛИРНЫЙ ВЕТЕР

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Иннокентий Анненский

ПОЭТЫ

Воспоминанья о прошедшем,
Печаль об отлетевших днях...
Ничем мы раны не залечим,
Но песен молят боль и страх.

Воспоминания и плен...
Вся жизнь – одно лишь только пенье.
Какое странное мученье
Внимать рыданию сирен.

Что может быть печальней песен!
Душа же петь обречена,
А мир как прежде мал и тесен,
И смерть желанна и страшна.

1917

* * *

Ю. Иванову-Меженко

В изгнанья край, судьбой заброшены
Мы тешим, друг, себя самих.
Легки похмелья этой осени,
Поет-звонит забавный стих.

Алеет клен, смертельно раненный,
И ветер молится над ним.
Но наши пляшут рифмы пьяные
Над листопадом золотым.

1916

СТРЕЛЕЦ

Земных мне радостей не надо,
Не нужен райский мне удел,
Но только сердце вечно радо
Прикосновенью лирных стрел.

Гудят натянутые струны,
Стрела слетает наконец,
И сам себя пронзает юный
И вечно жаждущий стрелец.

Он в струях голубых эфира
Улавливает звонкий лет.
И бесконечно плачет лира
И стрелы трепетные шлет.

1917

* * *

Какое гордое величье...
Она проходит плавно в двери.
Не замечая Аллигьери,
Так шла когда-то Беатриче.

Такой же тайной веет эта,
Как будто время не бежало.
И так же точит грудь поэта
Томительное грусти жало.

Звонят опять сонетов звенья
Божественного фолианта.
И так понятна радость Данта:
Глухая боль уничиженья.

1918

* * *

Л.А. Дельмас-Андреевой

Мы одного лелеем друга,
Одну любовь свою храня;
Нежна она, как небо юга,
Как чистое рожденье дня.

Приносит ветра ток зефирный
Воспоминанья прежних дней,
И голос нежный, голос лирный
Доходит к родине твоей.

Замедлив крыл своих биенье
И затихая налету,
Непостижимое томленье
Он бросил снова в пустоту.

1918

* * *

Полдень, плывущий, как тихая fuga,
Пурпуром алым горя,
Снова увозит желанного друга
За голубые моря.

Бархатом синяя полночь завесит
Вечер пустынный и злой.
Что же Пьеро мой сегодня не весел,
Принц опечаленный мой!

1918

ОФЕЛИЯ

Я утонула в водоеме
И вот лежу на самом дне.
Никто не станет плакать, кроме
Подружки милой в тишине.

Опять колеблет ветер иву,
Опять сережки завились;
Она опять идет к обрыву
Связать веночек, бросить вниз.

И сквозь холодный сон мой девич
За годом мчится новый год,
Но только мертвый корольевич
Ко мне из парка не придет.

1917

* * *

Она ничего не сказала,
Вся опускаясь вниз...
И в темном зрительном зале
Шепот неслышный повис.

Вздыхала здесь тысяча грудей,
И тысяча билась сердец,
Как будто увидели люди,
Что это желанный конец.

И там, где в томительной муке
Плакал бесслезно Поэт,
Ее обнаженные руки
Синий окутывал свет.

1916

* * *

I

Вот лампийон последний гаснет,
И залу всю наполнит ночь.
Уже спасения для нас нет
И страха нам не превозмочь.

Чего ж невыносимо жалко?
Что из поблекнувших зеркал
Приедем мы на катафалке
Полночный править карнавал?..

И вальс, не оттого ль он плакал
И колыхаяся затих,
Что не цветы, а чернй факел
Держу я в пальцах восковых.

II

И ночи, и дни перетянуты туго –
Одна бесконечная нить.
Однажды рыдать приходила супруга
И слезы бесцельные лить.

И ты, посетивший могилу поэта,
Посетуй на злую судьбу –

Лежать мне без друга, без солнца, без света
В серебряном тесном гробу.

1916

IV

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Жди меня в день печальный воскресный.

Нат. Кленнер

* * *

В день Святого Воскресенья

Как узнаешь ты меня?

Саван тленья, разложенья

Я сменю на ризы дня.

В золотых потоках света,

В златотканом серебре –

Я приду к тебе одета,

Расцветая на заре.

К ночи злой того, что было,

Милый, милый, я глуха

Ночи злой – одна могила,

Утру – песни петуха.

Он трубя поет победу –

Нет возврата мне назад,

Но с тобою я поеду

В твой зеленый вертоград.

Ветер косы мне размечет

И, бубенчиком звеня,

Злую боль мою залечит,

Убаюкает меня.

1916

* * *

Вы, ждущие цветения
Весенней земли,
Вы слышите пение –
Трубят журавли.

Над темной вашей хатой
Кличут они вас...
О, Божьи оратаи,
Близится час!

Из тюрем ваших рвится
К истокам дней, –
Стоят уже спасители
У запертых дверей.

1915

* * *

Просыпайся и в дорогу!..
Смотрит утро, ясный день.
Сбрось смертельную тревогу
И томительную лень!

В легком беге, талым снегом
Легче, дольше дышит грудь.
Уплывай по синим рекам,
Лед ломая как-нибудь.

Чтобы ночь, упав с вершины,
Не настигла бы тебя
У холодного камина,
У потухшего огня.

1917

* * *

Об этом только грезить можно,
И это снится иногда.
Но вот проносятся года –
Обетование неложно.

Какое счастье нам досталось!
И кто от счастья ослеп!
Ты претворить вино и хлеб
К нам, радость легкая, примчалась.

Распятие дорог земных
И жесткий камень отречения
Расплавлены в одно мгновенье
Полетом крыльев огневых.

1917

* * *

Душа моя, прекрасных песен
Твой станет дар еще сильней;
Он будет чист и так чудесен,
Как песни родины моей.

Душа моя, опять, как прежде,
Ты расцвела, цветок полей;
Ты – как венчальные одежды
У женщин родины моей.

1916

* * *

Какая радость в этой доле
За плугом медленно итти
По черным комьям, в чистом поле.
По освященному пути.

И знать, что день уже не долог,
Что близок вечер, и жена,
Отдернув полинялый полог,
На поле смотрит из окна.

1917

* * *

В ясный полдень мы покинем
Отчий дом на много лет,
И в пространстве этом синем
Затеряется мой след.

Край безоблачный любимый,
Свод небесный голубой,
Ты прости, что сын родимый
Так прощается с тобой.

Но храня обет высокий
Этой вечной красоте,
Он вернется издалека
Со щитом иль на щите.

1917

* * *

Друзья душевные, не плачьте,
Мы скоро будем не одни.
Взгляните – на взлетевшей мачте
Зажглись вечерние огни.

То корабли ночных флотилий
Пришли из сказочной земли
И миллионы звездных лилий,
И бархат синий привезли.

А лысый день, оскалив зубы,
Бежит, бежит, уходит прочь.
И крепко мы целуем в губы
Ее, спасительницу – ночь.

1914

**СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ
В КНИГУ «ВЕТЕР»**

В. П. СЕМЕННИКОВУ

Когда редактор наш Семенников
Приходит ночью в рестораны
Он пропивает тыщу пфенигов,
Бредет домой мертвецки пьян.
А там жена три пары веников
Мочалит на его спине,
Но кротко верует Семенников,
Что только истина в вине.

1918

БУРИМЭ

Поникли георгины...
Направь свою педаль
И изогнувши спины,
Циклиеты мчатся вдаль.

Велосипед не книга,
Он слаще, чем компот
И чем сонаты Грига
И чем Венерин грот.

1918

СПЛИН

И. Эренбургу

<I>

Сидеть к кофейне днем и ночью,
Бездумно думать об одном,
Чтоб убедиться здесь воочью,
Что все мы некогда умрем.

И в кольцах трубочного дыма,
В кофейной гуще, в сонной мгле,
Забывать, что жизнь проходит мимо
По неразгаданной земле.

II

В стихах и в прозе день и ночь
Поет одна печали дочь.

И, ударяя в тамбурин,
Не разгоняет сонный сплин.

До века здесь нам суждено
Курить, молчать, глядеть в окно.

Тянуть из чашки черный хмель
Терзать охрипшую свирель.

III

Никак не пойму я, что будет со мной
В тяжелых, застывших и сумрачных днях
Усатые греки приходят толпой,
Кричат о своих непонятных делах.

Повисла вокруг незнакомая речь...
Но что нам теперь человеческий суд!
Нам душу нетронутой нужно сберечь,
Сквозь дни пронести свой скудельный сосуд.

IV

Когда вечерние огни
Колеблет ветер – ночью темной,
Здесь собираются они –
В кофейне этой, в угол скромный.

У каждого своя печаль,
Своя у каждого забота,
Но всем равно чего-то жаль,
Как будто близкий умер кто-то.

V

Молчанье за чашкой душистого яда
Под шорох и треск домино...
Подумай – последняя это отрада,
Осталось нам это одно.

И только одно шевелится желанье
В бездумном сознанье моем –
Растаять как дым в этом сонном молчанье
И не просыпаться потом.

VI

Как звуки флейты протяжной,
Напевает твой голос мне
О том, что все неважно,
Когда мы на самом дне.

Когда веселые греки
Окружают нас толпой,
Пусть спит мое сердце, навеки
Пусть растает со мной.

В. П. СЕМЕННИКОВУ ПОСЛАНИЕ

Печатать «Тайн» не хочет Леман
Души моей поймите боль,
Поймите жалобы и пени,
Полиграфический Король.

Хитер он, Леман, словно мытарь
И отговорка там все та же...
Скажу Вам прямо: в царстве литер
Царит гнуснейший саботаж

1919

В. П. СЕМЕННИКОВУ ОТВЕТ

О, милый друг мой, глух и слеп ты,
Живя в глуши своей тюрьмы,
Того не зная – выход «Лепты»
Перенести решили мы.

Чернигов весь в лучах ослепнет
Полиграфических огней,
Когда раздастся «Лепты» лепет
В субботу через восемь дней.

1919

ГОЛУБАЯ ОСЕНЬ
(CHANSON D'AUTOMNE)

Голубые озера, багрянец листопада...
И сквозистая нежность убегающих дней...
Это наша последняя песня – отрада
Затихающей жизни моей.

И пронзительных жалоб осенней свирели
Доплывает до сердца голубая струя...
Это мертвое сердце заморозят метели,
Это – мертвая скука моя.

А вверху пораскинулись Божьи дороги,
Побежала далеко голубая тропа...
И ступали по ней только ангелов ноги.
Но не наша людская стопа.

И того никогда не узнаем мы сами,
Что давно уже наши дороги мертвы,
Так пускай поливает их осень слезами,
Устиляет багрянцем листвы.

VII 1919

* * *

И ставни запертые глухо
И дальний лай ночных собак
Для зорких глаз, для чутких слухом
Прекраснее старинных саг.

Чтоб невозвратные потери
Вам стали сладостней вериг,
Стучитесь в запертые двери –
Здесь сотни пожелтелых книг.

Ведь долголетнее молчанье
И тихий ток воды живой
Хранят преемственность преданья –
Источник силы нутряной.

*Суббота 8-го февраля <1919>, когда умирал папа.
Аптека.*

ГОЛОС

Поет пронзительно тоска.
Певучий голос шлет привет нам.
В дрожанье струн едва заметном
Приходит он издалека.

Зовущий, горестно-капризный,
Встает из темной глубины,
Как расцветающие сны,
Как голос сладостный отчизны.
В одежды легкие одев
Неощутимые томленья,
Поют серебряные звенья
Неумолкающий напев.

Июль 1919

МАТЕРИ

Как заблудившемуся веха,
Мне голос матери встает –
Немного радости и смеха,
Но каждодневный рой забот.

Но каждодневная мольба
За распинаемого сына
И слез потоки ночью длинной,
Неумолимая судьба!

Сентябрь 1919

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ¹

Исторический романист Зиновий Самойлович Давыдов, чья главная прозаическая книга «Беруны» (1933) удостоилась похвал самого Горького, умер 7 октября 1958 года. Сегодня его добротные, но скучноватые большие книги прочно забыты.

Начинал же Давыдов, как и многие прозаики, со стихов, которые, на наш взгляд, полного забвения не заслуживают².

Надгробие писателя отыскивается на подмосковном переделкинском кладбище рядом с могилами Бориса Пастернака и Корнея Чуковского. На нем высечены финальные строки из стихотворения Александра Блока «Поднимались из тьмы погребов...» (1904):

Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.

Почти не преувеличивая, можно сказать, что стихи Блока, Анненского и Ахматовой сформировали литературное поколение Давыдова. Очень многое они значили и для него самого.

¹ Выражаю глубокую благодарность Марии Котовой за помощь и дружеское содействие.

² См. биографическую справку о Давыдове, автором которой числится М.М. Полякова (Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. С. 488).

«Я родился 16/28 апреля 1892 г. в семье служащего среднего достатка. Город, в котором я появился на свет, и где протекло мое детство, – Чернигов – не без оснований называли “русской Равенной”». Так начинается Давыдов свою автобиографию 1946 года¹. Окончив черниговскую гимназию, юноша перебирается в Киев – продолжать образование: в 1912–1917 гг. он учился в киевском университете. К этому времени Давыдов уже мнит себя поэтом и уже пережил, как минимум, один «роковой» роман. Свидетельство – открытка, отправленная неким Андреем двадцатидвухлетнему Давыдову из Чернигова в Киев 30 апреля 1914 года: «Получил твое письмо, милый: очень рад, что ты принял “неожиданное известие” совершенно спокойно. Похороним прошлое навсегда: – оно было и бесцельное и переоцененное (как показало время и события). Чувство твое было велико и красиво, а вот Зина была маленькая... Маленькая перед ним. И мы с тобой теперь “побежденные” победители. Желаю тебе благополучн<ых> экзаменов и проч<его> всего, – “что угодно для души”. Обязательный привет славной Леночке. Целую. Андрей»².

Общий патетический тон этого послания несколько смазан финальным приветом «славной Леночке». Возможно, той самой, которой адресована следующая короткая записка Давыдова: «Очень извиняюсь перед Вами, но я не приду. Только потому, что я себя плохо

¹ РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 3. Отметим очевидную отсылку к знаменитому блоковскому стихотворению «Равенна».

² РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 32.

чувствую. Мне очень жаль, что я подвел Вас и не могу с Вами сейчас познакомиться. Желаю Вам всего хорошего и счастливого пути. Д. Еще раз прошу извинить меня и принять эти цветы»¹. На обороте записки – ответ горько обманутой в своих ожиданиях Леночки: «Весьма досадно Ваше нездоровье, но думаю, что у Вас хватит сил дойти до третьего номера. Большое, большое спасибо за цветы. Все же, не теряем надежды видеть Вас. Helena. Все же хочу Вас видеть»². Как трогательна здесь эта смена множественного числа («не теряем надежды – с подругой? с матерью?») на единственное («хочу Вас видеть»).

Где Helena впервые встретила Давыдова? Возможно, на одном из его публичных черниговских выступлений, поскольку в этот период молодой человек уже всюду пишет стихи. Например, такие – шуточные:

Вчера был вечером у Веры
О Вас мы вспомнили не раз.
Она привет Вам шлет в Бендеры
На ваш погибельный Кавказ³.

А спустя несколько лет – в феврале 1917 года – тоже шуточные, но спровоцированные куда более серьезными событиями:

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Спать теперь нам очень мило.
Пусть в отставку вышел царь!..
И Аркадий, сын Верзилов
Спит теперь, как спал он встарь¹.

Впрочем, шуточные стихи для молодого поэта – это, разумеется, глубокая периферия. В центре его напряженного внимания – символизм и символисты. «Символ – вещественный знак, предмет, словесный или пластический образ, заменяющий общее понятие. Символизм – есть художественное сочетание мира явлений с таинственным миром божества», – прилежно записывает Давыдов в свою рабочую тетрадь².

Его собственные стихи 1910-х гг. написаны в младосимволистском, в первую очередь, «в блоковском

¹ Там же. Подразумевается черниговский историк Аркадий Васильевич Верзилов.

² Там же. Лично Давыдов никого из крупных поэтов символистов, кажется, не знал или же его знакомство с этими поэтами носило столь же эфемерный характер, как и его корреспонденстки, актрисы Н. Анисимовой. Ср. ее пореволюционное письмо Давыдову из Коктебеля: «С Волошиным я до сих пор не знакома. У него на даче живет очень много народу. Там бывают концерты, а по вечерам они устраивают джаз-банд. В общем, веселятся на славу» (РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 32). В этом же письме встречаем опасливое признание Анисимовой (хорошо характеризующее не только бытовые нравы эпохи, но и степень доверия иных женщин Давыдову): «Да, должна я Вам сообщить новость, Зиновий Самойлович. Я выкрасила волосы хной и бегая теперь как медная кастрюля. Выкрасилась я потому, что от купанья они очень испортились, а хной очень поправляет волосы. Мама это еще не знает. Наверное, очень расстроится» (Там же).

“ключе”»¹. Хотя чувствуется в них также влияние Андрея Белого и Валерия Брюсова.

Стань у входа тихим стражем.
Погорюй о дальнем брате.
Королевне мы расскажем
О последнем о возврате.

Или (финал стихотворения того же года):

Стою до рассвета промокший, один.
В туман оделась столица.
И девушка эта у ярких витрин,
С лицом Серафима – блудница.

Записные книжки Давыдова отразили его тогдашний интерес к Маяковскому и Хлебникову, Вячеславу Иванову и Федору Сологубу, Отто Вейнингеру и Генриху Ибсену... Подробно и внимательно Давыдов в эти годы читал акмеистов. «В субботу 23 марта в зале общественной женской гимназии состоялся вечер, посвященный творчеству поэтов-акмеистов: А. Ахматовой, О. Мандельштама и Н. Гумилева, – информировала своих читателей газета «Черниговский край» от 26 (13) марта 1918 года. – В обстоятельно и объективно написанном докладе “Символизм и акмеизм” З. С. Давыдов познакомил слушателей с различием символизма и акмеизма как литературных течений нашего времени <...> Как примеры акмеисти-

¹ РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 3.

ческого творчества докладчиком были прочитаны стихи местной талантливой поэтессы Н. А. Клеппер, творчество которой во многом схоже с творчеством А. Ахматовой, но вполне самостоятельно и лишено подражательности, – болезни, которой страдают многие молодые поэты и поэтессы»¹.

В давидовском архиве сохранилась «Программа поэзо-вечера, устраиваемого Черниговским Женским Союзом в зале дворянского собрания во вторник 21 (8) мая 1918 года»². В программе – вступительное слово покровителя молодых стихотворцев, Модеста Гофмана, а также чтение своих стихов О. Никольским, О. Ферликовской, А. Сказкой, М. Гофманом, З. Давыдовым, А. Архангельским, Н. Клеппер³. После поэтической части – «Бал. Танцы под оркестр военной музыки»⁴.

В 1919 году, в Чернигове, в эфемерном издательстве «Стрелец», вышла первая и единственная книга стихов Зиновия Давыдова – «Ветер», которую мы

¹ Подробнее см.: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 405–406. В собрании Е. С. Шальмана сохранилась книга Осипа Манделъштама «Шум времени» (1925) с таким инскриптом: «Зиновию Самойловичу Давыдову дружески. 13.IV./25. О. Манделъштам».

² РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 35.

³ Некоторые подробности о судьбе поэтессы Натальи Клеппер см. в газетной статье: *Скуратовский Вадим.* Лады Могиланская. Из полузабытых имен // Столичные новости. [Киев]. 2003. 8-14 июля. С. 1.

⁴ РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1. Ед. хр. № 35.

в нашем издании перепечатаваем полностью¹. Ни один другой участник «поэзо-вечера», за исключением будущего известного пародиста Александра Архангельского, подобной чести не удостоился². Посвящения З. Полетике (уж не той ли самой «Зине»?), М. А. М., Н. Ленци, В. Турцевич, С. И. Соколовской (в сборнике встречается и сокращение ее инициалов – «С. И. С.»), Ю. Иванову-Муженко соседствуют в «Ветре» с обращением к оперной певице Любове Александровне Дельмас-Андреевой, возлюбленной Александра Блока.

Третьему разделу книги Давыдова предпослан эпиграф из «Смычка и струн» еще одного кумира тогдашней поэтической молодежи – Иннокентия Анненского:

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось...³

А в четвертый раздел «Ветра» вошло стихотворение, в котором предсказан не только относительно

¹ Остальные стихи Давыдова мы печатаем по автографам, хранящимся в его личном фонде: РГАЛИ. Ф. № 2896. Оп. № 1 и 2.

² Книга Архангельского, выпущенная черниговским «Стрельцом» в том же, 1919 году называлась «Черные облака». Отметим, «метеорологическую» переключку заглавий книг Архангельского и Давыдова. Поэтических сборников М. Гофмана «Стрелец» не выпускал.

³ *Давыдов Зиновий*. Ветер. Стихи. С. 53. Давыдов не упоминается в превосходно оснащенной именами и фактами статье: *Тименчик Р.Д.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации*. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову. М., 1993. С. 338–348.

скорый переезд Зиновия Давыдова в Петроград, в 1920 году, но и (через образность финальной строфы) – будущее давыдовское поприще исторического романиста-популяризатора:

В ясный полдень мы покинем
Отчий дом на много лет,
И в пространстве этом синем
Затеряется мой след.

И рай безоблачный любимый,
Свод небесный голубой,
Ты прости, что сын родимый
Так прощается с тобой.

Но храня обет высокий
Этой вечной красоте,
Он вернется издалека
Со щитом иль на щите¹.

О. Лекманов

¹ Давыдов Зиновий. Ветер. Стихи. С. 73.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕТЕР СТИХИ

I

ВЕТЕР УТРА

«Когда летящий утром ветер...».....	9
«Забылся меч и затихнул мой рог...»	10
«В поле веет ветер добрый...»	10
Ветренный день («Плачутся все телеграфные струны...»)	11
«Ветер, мой брат одинокий, усталый...»	12
«Ветер, летун разудалый...»	13
«К вечеру дождь перестал...»	13
«В снежных полях...»	14
«Стань у входа тихим стражем...»	14

II

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР

«То черный ветер пустынь палящих...»	17
Adagio («Глядят в мою душу родные глаза...»)	18
«Они за мною погнались...»	19
«Угрюмы, тяжело спят граниты...»	20
«Прилетел осенний ветер...»	21

«Он уходит утром, молчаливый демон...»	22
«В закате огненного диска...»	23
«Нежданны, как ветер, летающий праздно...»	24
«Спешить нам некуда... Забудем...»	25
«Он в облаках хранит молчанье...»	26
Ущерб («Я, как усталый виночерпий...»)	27
«На улицах грязно... Заплакан и нем...»	28
Монотонно («Дождь осенний, падай, падай...»).....	29
«Летели, звенели альты...»	30
«Льется дождь, хлещет дождь без конца...»	30
«Веет ветер, скачет галка...»	31
Война («Они опустили вуаль...»)	32
Сквозь сон («Ты хочешь, милый, сном забыться?»)	33
14-е декабря («Встанут, слезами омоют...»)	34
Прощание («Еще хороним здесь печаль мы...»)	35
«Подолгу сидишь у камина...»	36
«Молились и верили – только любовью...»	37

ДЕНЬ ВОЗМЕЗДИЯ ТРИПТИХ

I. Канун («Вот и день отошел в пустоту...»).....	38
II. День («Багровеет не как в Те дни...»)	38
III. Finale («Как над землею проплыли...»)	39

III ЛИРНЫЙ ВЕТЕР

Поэты («Воспоминанья о прошедшем...»).....	43
«В изгнанья край, судьбой брошены...»	44
Стрелец («Земных мне радостей не надо...»)	45
«Какое гордое величье...»	46

«Мы одного лелеем друга...».....	47
«Полдень, плывущий, как тихая fuga...»	48
Офелия («Я утонула в водоеме...»)	49
«Она ничего не сказала...»	50
* * *	
I. «Вот лампирон последний гаснет...»	51
II. «И ночи, и дни перетянуты туго...»	51

IV ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

«В день Святого Воскресенья...»	55
«Вы, ждущие цветения...»	56
«Просыпайся и в дорогу!»	57
«Об этом только грезить можно...»	58
«Душа моя, прекрасных песен...»	59
«Какая радость в этой доле...»	59
«В ясный полдень мы покинем...»	60
«Друзья душевные, не плачьте...»	61

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ «ВЕТЕР»

В. П. Семенникову	
(«Когда редактор наш Семенников...»)	62
Буримэ («Поникли георгины...»)	63
Сплин	
<I>. «Сидеть к кофейне днем и ночью...»	64
II. «В стихах и в прозе день и ночь...»	64
III. «Никак не пойму я, что будет со мной...»	65

IV. «Когда вечерние огни...»	65
V. «Молчанье за чашкой душистого яда...»	65
VI. «Как звуки флейты протяжной...»	66
В. П. Семенникову послание («Печатать «Тайн» не хочет Леман...»)	67
В. П. Семенникову ответ («О, милый друг мой, глух и слеп ты...»)	67
Голубая осень (Chanson d'automne)	68
«И ставни запертые глухо...»	69
Голос («Поет пронзительно тоска...»)	70
Матери («Как заблудившемуся веха...»)	70
<i>О. Лекманов. Вместо послесловия</i>	72

Давыдов З. С.

Д13 Ветер: Стихотворения. – М.: Водолей, 2011. – 88 с.
(Малый Серебряный век).

ISBN 978–5–91763–068–7

Исторический романист Зиновий Самойлович Давыдов (1892–1958) начинал свой путь как поэт, последователь символистов и акмеистов. В 1919 году, в Чернигове вышла в свет его дебютная и единственная книга стихов «Ветер», которую в настоящем издании мы перепечатываем полностью. Книга дополнена никогда не публиковавшимися стихами Давыдова.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882

9 785917 463068 7

Давыдов Зиновий Самойлович

Ветер
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 15.04.11. Формат 60х90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Печ. л. 2.75. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
E-mail: info@vodoleybooks.ru
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5.
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20
e-mail: izd.izv@ru.net

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается
с горя: Стихотворения разных лет.
2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных
лучей: Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвласт-
на лишь любовь: Стихотворения.
2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Кржижановский С. Д. Книжная
душа: Стихотворения разных лет.
2007. – 88 с.

Щировский В. Е. Танец души: Стихо-
творения и поэмы. 2007. – 136 с.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Сабуров А. А. Будем с верою радости
ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Штих А. Л. Истлевших лет живые
сны. 2008. – 128 с.

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. –
128 с.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком:
Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Сти-
хотворения. – 2008. – 128 с.

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. –
80 с.

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых
годин. – 2009. – 96 с.

Бем И. А. Орфей: Стихотворения.
2010. – 96 с.

Ланн Е. Л. Негоїса: Стихотворения.
2010. – 128 с.

**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М. Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»
Москва, Тверской б-р, 9
(помещение Московского музея современного искусства)
Тел. (495) 925-8166

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнезниковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20